

Тан Шэнь всегда знал, что к западу от города управы Гусу протекает Великий канал. Прорытый еще при прошлой династии, он брал свое начало в Шэнцзине и заканчивался в Цяньтане. Большинство товаров, перевозившихся между севером и югом, шли именно по этому Великому каналу, но сам он никогда его не видел.

На следующий день после того, как сделка с Павильоном Цзиньсю была успешно заключена, Тан Шэнь вместе с Яо Санем отправился на берег Великого канала.

Над бескрайней, уходящей за горизонт гладью канала белели тысячи парусов, а на берегу бурлила людская толпа. В порту у причала выстроились десятки огромных судов: на одни грузили товары, с других спешно сгружали. Чай и шелк из управы Гусу славились на всю Поднебесную, и каждый день отсюда отправлялись корабли с бесценным грузом стоимостью в тысячи золотых, развозя его по всем уголкам Великой Сун.

Яо Сань заговорил:

— Моя родная деревня тоже стоит на одном из притоков Великого канала, да только ему далеко до этого главного русла в управе Гусу. У нас за день от силы десятков лодок причалит. Бывало, я заводил разговоры с лодочниками, сошедшими на берег, и слушал их рассказы о далеких краях.

— Брат Яо, ты, оказывается, и в речных перевозках разбираешься? — спросил Тан Шэнь.

Яо Сань со смущением ответил:

— Да что вы, молодой хозяин, слишком уж высоко меня цените, откуда мне в этом смыслить! Просто краем уха слышал от тех лодочников. Когда они везут товар, то следуют правилу, установленному песчаной артелью — его еще называют системой песчаных судов. К примеру, возьмем нашу управу Гусу. Допустим, у семьи Тан, семьи Ван и семьи Сунь налажена торговля с Шэнцзином. Путь этот неблизкий, в дороге можно и в бурю попасть, и на разбойников наткнуться. Поэтому эти три семьи в складчину строят три корабля. На каждое судно каждая семья грузит ровно треть своих товаров. В итоге, какое бы из судов ни добралось до Шэнцзина, все привезенное делится поровну между тремя семьями. А если какое-то судно затонет, то и убытки от потери товара все трое делят поровну.

Тан Шэнь восхитился:

— Надо же, какая мудрость была у людей в прежние времена!

Десять дней спустя Тан Шэнь обсудил с госпожой Тан все детали доставки товаров в Цзиньлин. Когда он вернулся домой, тётушка Яо как раз готовила обед.

— Молодой хозяин вернулся? Как раз вовремя! Счетовод Линь пришел с полчасика назад. Вы же сегодня утром говорили, что хотите обсудить с ним какое-то дело, вот он вас и дожидается.

— Пришел? И где он?

Тётушка Яо вышла из кухни и огляделась по сторонам:

— Наверное, пошел в комнату к А-Хуан.

Тан Шэнь нахмурился.

Счетовод Линь все-таки взрослый мужчина, зачем ему идти в комнату к А-Хуан? Тан Шэнь подошел к комнате Тан Хуан и обнаружил, что посреди бела дня дверь девочки наглухо закрыта. Ему это не понравилось. Не привлекая к себе внимания стуком, он ненадолго притаился у окна, прислушиваясь. Изнутри доносились лишь неразборчивые обрывки фраз вроде: «Не читай это» и «Напишите еще раз, а я посмотрю».

Тан Шэнь почувствовал неладное и, не постучав, с силой толкнул дверь.

Тан Хуан испуганно вскрикнула и торопливо сгребла со стола все вещи, пряча их за спину. Счетовод Линь тоже перепугался, не зная, стоять ему или сидеть. Он тихонько подошел к дверям и виновато произнес:

— Молодой хозяин, когда же вы вернулись? Я и не слышал.

— Брат! Ну почему тыходишь без стука? Сам же учил меня правилам приличия — перед тем как войти, нужно постучать!

Тан Шэнь приподнял бровь:

— Если бы я постучал, то как бы узнал, что вы двое затеваете у меня за спиной? Тан Хуан, что ты там прячешь? А ну-ка, покажи.

Девочка крепко сжимала спрятанные за спиной вещи. Ее губы побелели, она сделала несколько шагов назад и вплотную прижалась к стене.

Заподозрив неладное, Тан Шэнь шагнул вперед:

— Отдавай.

— Не отдам!

Тан Шэнь не стал давить на нее силой, а просто повернулся к счетоводу Линь:

— Счетовод Линь, чем это вы тут занимаетесь?

Немного поколебавшись, счетовод Линь вздохнул:

— А-Хуан, покажи уже молодому хозяину.

Глаза Тан Хуан покраснели от сдерживаемых слез. Поняв, что деваться некуда, она неохотно протянула то, что прятала. Тан Шэнь взглянул: перед ним была книга «Стихи тысячи поэтов» и несколько листов рисовой бумаги с неровными, еще не просохшими иероглифами. Одного взгляда было достаточно, чтобы он все понял:

— Так ты попросила счетовода Линя втайне обучать тебя грамоте?

— Молодой хозяин, не вините барышню А-Хуан, — поспешно вмешался счетовод Линь. — Мы всего лишь учились читать и писать. Это моя вина.

— Если ты просто учишь ее грамоте, зачем скрывать это и запирать дверь наглухо?

Тан Хуан и счетовод Линь застыли в замешательстве.

— Молодой хозяин?..

Тан Хуан захлопала глазами, и крупная слезинка скатилась по ее щеке. Срывающимся голосом она спросила:

— Брат, ты не сердишься, что я учусь читать?

Тан Шэнь искренне удивился:

— С чего бы мне сердиться из-за твоего учения? Хотя повод для злости у меня все же есть, — он перевел взгляд на исписанные листы. — Счетовод Линь, как долго вы уже втайне занимаетесь?

— Больше трех месяцев.

— Больше трех месяцев? Значит, начали еще до того, как я отправился сдавать уездный экзамен. Тан Хуан, ты только посмотри на свои каракули! Господин Лян как-то сказал, что насколько я хорош собой, настолько же безобразен мой почерк. Полгода назад я писал даже хуже тебя. Но прошло всего шесть месяцев, а господин меня уже хвалит, да к тому же я дважды занял первое место в списке лучших!

Девочка долго ошеломленно хлопала глазами, прежде чем до нее дошло:

— Брат, ты сейчас просто хвастаешься своей красотой?

— Разве я такое говорил?

— Говорил!

— Ну и ладно, я ведь не соврал. Но ты посмотри на свое письмо! Три месяца упражнений — и вот это все, на что ты способна?!

Тан Хуан обиженно шмыгнула носом:

— Я же боялась! Приходилось заниматься тайком, когда тебя, брата Яо и тётушки Яо не было дома. Для тайных занятий это и так очень даже неплохо!

— Одни отговорки! Даю тебе еще три месяца, вот и поглядим, чего ты добьешься.

— Брат... то есть ты правда не против, чтобы я училась грамоте? — робко переспросила девочка. Ее испуганный, настороженный вид заставил сердце Тан Шэня сжаться от жалости.

— А с какой стати мне быть против?

— Когда отец был жив, он всегда говорил, что добродетель женщины — в отсутствии талантов. Он запрещал нам с матушкой даже прикасаться к книгам и близко не подпускал к своему кабинету...

Только тут Тан Шэнь вспомнил, что покойный сюцай Тан действительно говаривал нечто подобное. Он и подумать не мог, что эти слова так глубоко ранят Тан Хуан.

Тан Шэнь с укором к самому себе произнес:

— Это моя оплошность. Занимайся тем, к чему лежит душа, я никогда не стану запрещать. Разумеется, если только ты не решишься на грабеж или убийство — тут уж я пощады не дам и сам отведу тебя к судье. Но учеба? Почему бы тебе не учиться? Счетовод Линь, раз уж вы

здесь, не согласитесь ли официально взять Тан Хуан в ученицы и стать ее домашним учителем?

Тан Хуан просияла от радости:

— Брат!

Счетовод Линь с улыбкой ответил:

— Раз молодой хозяин просит, я не смею отказаться.

— Мой брат — самый лучший брат на свете!

Тан Хуан весь день напролет расхваливала брата. Казалось, она готова выбежать на улицу Суйцзинь и каждому встречному рассказывать, какой у нее замечательный брат. За ужином счетовод Линь остался поесть вместе со всеми. Глядя на них, он заметил:

— Молодой хозяин и А-Хуан очень похожи.

Яо Сань кивнул:

— И то правда. Все-таки родные брат с сестрой. Глаза у них точно одинаковые.

Тан Шэнь опешил, но не успел он и слова вставить, как Тан Хуан возразила:

— Вовсе наши глаза не похожи! Мои намного больше, чем у брата!

Тан Шэнь усмехнулся:

— Хвастунишка. Ты хоть глаза из орбит вылупи, все равно мои больше будут.

Дворик огласился веселым смехом.

Три дня спустя Тан Шэнь и счетовод Линь поднялись на борт грузового судна семьи Тан и отправились в управу Цзиньлин.

Прошел уже год с тех пор, как он переродился в этом мире, и Тан Шэнь впервые покидал Гусу. Поначалу ему было любопытно, он долго стоял на носу лодки и разглядывал проплывавшие мимо берега. Но вскоре пейзажи примелькались и наскучили, и он ушел в каюту. К вечеру судно прибыло в управу Цзиньлин. Тан Шэнь не пошел вместе с управляющим Павильона Чжэньбао в Павильон Цзиньсю, а вместо этого отправился гулять по управе Цзиньлин в сопровождении счетовода Линя.

Древняя столица с тысячелетней историей, раскинувшаяся на десять ли вдоль реки Циньхуай. Ласковый весенний ветерок колышет ветви ив, а сердца жителей Цзиньлина полны благородства и отваги.

Обойдя несколько оживленных торговых улиц Цзиньлина, они вышли к Академии экзаменов Цзяннань.

Счетовод Линь указал на ворота:

— Вот здесь молодому хозяину предстоит сдавать экзамен на степень цзюйжэня. А если сдадите... — он осекся. — Тьфу ты, глупый мой язык! По губам мне за такие слова. Конечно же, молодой хозяин сдаст! А как получите степень, станете учиться здесь, в Академии экзаменов.

Впрочем, ходить на занятия необязательно, главное — числиться в списках учеников.

Академия экзаменов Цзяннань была казенным, охраняемым местом. Посторонним вход туда закрыт, и кроме экзаменационных дней посещать ее дозволялось лишь студентам со званием цзюйжэня, которые приходили на лекции.

Тан Шэнь оглядел ворота снаружи и подумал, что это место мало чем отличается от Академии Цзыян.

Затем они прошли мимо Храма Конфуция и заглянули в переулок Уйи.

Тан Шэнь невольно процитировал:

— У моста Чжуцзюэ дикая трава цветет, а над переулком Уйи догорает закат. Ласточки, что вили прежде гнезда под крышами знатных господ Ван и Се, теперь прилетают в дома простых людей... Так вот он какой, переулок Уйи!

Счетовод Линь изумился:

— О чем это вы, молодой хозяин?

Тан Шэнь ответил:

— Да так, пустяки. Не помню уже, где слышал эти стихи, вот и пришло на ум.

<http://bllate.org/book/18292/1754453>